

Дон Кельт

Крест во имя Христа

Часть Первая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дон Кельт

Крест во имя Христа. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дон Кельт

Крест во имя Христа. Часть 1 / Дон Кельт — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Крестовые походы - великая и ужасная часть средневековой истории. Эта история о мальчике, которому, вопреки его желаниям, пришлось вырасти; о мире, который открылся ему и оказался не таким красочным, как он себе представлял; о любви и ненависти...Содержит нецензурную брань.

Артур проснулся от непонятного шума. Он встал и, потирая слипшиеся глаза, понял, что заснул в одежде. За окном теплилось солнце – приближался полдень. Впопыхах он вышел на улицу. Стояло погожее утро; деревья шелестели под натиском обжигающего южного ветра; солнце насквозь просвечивало облака, мягко освещая окрест. То было село в северной части Германии. Крестьяне работали не покладая рук: поле, уже вспаханное, оставалось только засеять; скот дал неплохое потомство – а оно нуждалось в прокорме. Голод, приветивший Европу 7 долгих лет назад, сейчас прижился и, словно поветрий, губил десятки тысяч крестьян. Все в конечном итоге свелось к Божьей напасти.

Мать была уже там. Рослая, худая женщина, попеременно наклоняясь, поливала вспаханную землю и раскидывала семена.

Артур подбежал к ней.

– Мам, прости, что я за сын после такого, – виновато сказал он. – Почему ты меня не разбудила?

Она фыркнула:

– Еще чего, лучше бы еще поспал. Всю ночь с отцом провел. Ты посмотри на себя – на тебе и живого места то нет. Иди домой, отдохни. Ты мне тут не нужен, – она говорила рассержено и твердо, как обычно мать ругает провинившееся дитя.

И действительно, отчетливые фиолетовые круги под глазами юноши доходили чуть ли не до крыльев носа, накидка обветшала так, что годилась лишь на тряпки, а на руках и ногах ссадины, где-то свежие, где-то покрывшиеся коркой, стремительно покрывали немалую часть кожи.

– Прекрати, ты знаешь, что я не пойду. Отдай мне, я продолжу сам, – не поддавался Артур и протянул руку, добавив, – и он мне не отец.

Женщина насупилась, но спорить не стала. Она знала, что Артур не позволит ей трудиться, пока он сам не выбьется из сил настолько, что попросту не сможет встать. Она гордо посмотрела на него. Высокий, стройный, красивый темноволосый юноша с мягким лицом, но тяжелым взглядом – он внушал ей любовь и гордость.

“Как же он похож на отца” – подумала она, вспоминая первого мужа.

Артур выхватил у нее лейку и ведро с семенами и принялся за работу. Мать обвела его глазами еще раз, после чего направилась к дому.

Близился вечер. Ноющая спина, уставшие руки и мозолистые ноги напоминали о проделанной работе. Артур попрощался со всеми и побрел домой. Тот стоял неподалеку и представлял собой землебитную лачугу с навесной крышей и потрескавшимися стенами. В окнах мерцал свет, а из трубы шел опьяняющий дремотный дым – приятное зрелище после тяжелого рабочего дня. Но только не для него.

“Сейчас опять начнется” – подходя к крыльцу дома, понял Артур, когда услышал голос отчима.

– Да чтоб этих торгашей! И половины цены не заплатили... только попадитесь мне на глаза. Все припомню!

Скрип входной двери заставил отчима отвлечься:

– Неужели, явился.

Артур молча вошел на кухню. Не обращая на отчима внимания, он подошел к матери и, скрывая усталость, проговорил:

– Как ты себя чувствуешь?

Отчим нахмурился и деланно кашлянул, но все безрезультатно.

– Все хорошо, – слабая улыбка скрасила ее голос. – Не беспокойся. Садись, поешь, – она осмотрела его целиком и поморщилась: сын был весь в грязи, – я нагрēju тебе воду.

Артур прошел мимо отчима и тяжело плюхнулся на диван, морально готовясь к очередному злосчастному разговору.

– Что у тебя с этой сукой? – Тут же спросил отчим.

– С кем? – спросил он, хотя уже понял, о ком идет речь.

Отчим возопил:

– Не делай из меня дурака, щенок! Эта шлюха... как ее там... Кармелита. Дочка кузнеца нашего, Трофила. Я видел вас сегодня на пашне.

Артур не выдержал – это уже ни в какие ворота! Он резко встал, будто и не уставал.

– Не смей ее так называть!

Отчим, явно удовлетворенный, встал следом за пасынком и вымолвил:

– Ты что, сын, я же не со зла, – жеманная улыбка тошно заиграла на его лице. – Понимаю, иногда хочется таких... простолюдинок. Сам люблю это дело.

Артура это задело еще сильнее. Дело в том, что отчим был родом из знатной семьи, но еще будучи ребенком, его семью лишили привилегий и отобрали владения, а он – как бы это глупо не звучало – до сих пор считал себя лицом из высших слоев общества.

– Не смей позорить мою мать! Ты ничем от всех не отличаешься. Еще слово, и я...

Он не успел договорить – отчим засмеялся во весь голос.

– И ты... Что ты сделаешь? – он подошел к нему, сжимая кулак. – Сопляк! Ты перечишь мне – своему отцу. Больше я этого терпеть не собираюсь.

Будто он раньше терпел...

Удар пришелся на нос. Мать вскрикнула. Шестнадцатилетний юноша был одним из самых крепких ребят деревни, но против двухсот фунтов туши – устоять было сложно. Еще удар, и он свалился оземь.

– Ну и... какого теперь спорить? – вскинутый кулак угрожающе висел над головой; он хмыкнул. – Прошу прощения, я тебя перебил – что ты хотел мне сказать?

Из носа выступила кровь, голова раскалывалась. Сейчас Артур был готов на все – он ненавидел отчима всеми фибрами души. Артур украдкой взглянул на ошеломленную мать и, увидев ее слезы, усилием воли смирился, проглотив упрек.

“Пока ты в безопасности, я вытерплю все”, – в который раз пообещал себе Артур, выдавив из себя:

– Прости, я не хотел.

Отчим осклабил так, что были видны десны.

– Ну конечно... не хотел он... еще раз я увижу тебя с этой блядью – убью.

Эта угроза из уст отчима звучала правдиво. Артур знал: он и правда его убьет, если разозлится. Но мысль о разлуке с Кармелитой даже не посещала его голову: он ее любит и ни за что не покинет, даже под страхом смерти. Артур усилием встал и направился к кувшину с водой, дабы умыть окровавленное лицо. Нос болел, но сломан не был.

Злость порождала мысли об отмщении: хотелось причинить ему боль, унижить, а может даже и убить... Нет! Он попытался отбросить эти мысли. Он не убийца и никогда им не станет по собственной воле. Мысль о смерти от его рук пугала так же, как и то, что мать останется совсем одна, если что-то произойдет с ее мужем.

“Но у нее буду я. Я позабочусь о ней, – не успокаивался он”.

“Как же интересно ты это сделаешь? – спросил надоедливый внутренний голос”.

Он смотрел на свое отражение в кувшине с водой. Собственное лицо было отвратно. Беспомощный и ни на что не способный, он почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы, но не дал им ходу.

– Я устал от этих игр! Твое дело – смотреть, чтобы мне было комфортно! Чтобы я больше этого не слышал, иначе – не посмотрю, что ты моя женщина, – донесся звучный голос отчима.

Громкий стук входной двери. Отчаянный крик матери и ее плач вернул Артура к действительности. Да что он такое несет! Мама и Кармелита – все, что у него есть. Их счастье – его единственная забота. Артур бросил полотенце, которым только что обмакивал кровь и

поспешил к ней. Она сидела на полу у входной двери. Закрыв лицо руками и тихо рыдая, она бормотала себе под нос что-то невнятное и отчаянное. Юноша кинулся к ней, убедился, что она цела и крепко обнял.

– Он того не стоит, мам, – внулал он ей до тех пор, пока она не успокоилась.

Луна уже поблескивала и ее лучи озаряли комнату, придавая тусклый серый оттенок всему, что попадает на глаза. Отчим до сих пор не вернулся, – оно и к лучшему! Артур поцеловал мать на ночь, закрыл за собой дверь в спальню, оделся и вышел из дома. Он хотел уединиться и выпить наедине со своими мыслями. Есть место, где он изредка останавливался для подобных целей – кабак.

Прохладный ночной воздух ласкал кожу и развеивал длинные волосы. Он шел по небольшой грунтовой дороге, извилисто прорезавшей путь через деревню. Единственный деревенский кабак был недалеко. Весь в своих мыслях он и не заметил, как дошел до места назначения. Оказавшись у крыльца широкого бревенчатого здания с вывеской, которую, из-за неграмотности, прочитать не мог, хотя примерно знал, что на ней написано, он вошел. Внутри было тепло. Застоялый запах эля и трубочного дыма впитались в стены настолько, что он учуял его даже на выдохе. Оживленный гомон растопил мысли вошедшего гостя. Выпивка развязывает языки, а в сочетании с хорошей компанией – и того пуще. Артур подошел к барной стойке и заказал кружку эля. Он осмотрелся: кабак был полон, а справа от него сидел человек в черном плаще. Вид у этого человека был измученный, хотя лицо большей частью оставалось в тени из-за нависающего по переносицу капюшона. Незнакомец спокойно и задумчиво курил трубку и потягивал эль.

– Ваш эль, – сказал бармен и поставил кружку с темной жидкостью на стойку.

Артур взял ее и сделал несколько глубоких глотков. В груди отдало приятным теплом, и он расслабился. С каждым последующим глотком усталость отступала. Эль отогнал боль в носу, но тот все равно еще саднил. Погруженный в мысли, юноша думал о маме и о том, сможет ли о ней позаботиться. Вспоминал Кармелиту, вкус ее теплых губ, ее ласковый, дурманящий разум голос. А еще, не забывал проклинать отчима.

Вдруг кто-то протянул ему трубку.

– Покури, поможет. – Предложил незнакомец в плаще. – Смотрю вечер у тебя выдался не очень.

Артур отвлекся от мыслей и посмотрел на него. Оказалось, что у незнакомца не было правой руки – вместо нее лениво свисал рукав плаща. Густая, курчавая с проблесками седины борода доходила до груди, придавая этому человеку толику мудрости. Желтые зубы, грязное лицо и заплатанная рубаха, выглядывавшая из-под плаща, создавали вид бедного отшельника. Но, не смотря на свой одичалый вид, он внулал добродушие и мудрость, как это обычно бывает, когда невербально, через глаза, а может и по другим признакам, чувствуешь к человеку какое-то природное доверие. Артур, не долго думая, проникся таким предложением:

– Да, благодарю.

Потянув немного из трубки, он почувствовал горечь в горле и прокашлялся. Незнакомец явно ожидал такого эффекта и, расхохотавшись, постучал ему по спине.

– Ничего, бывает. Еще привыкнешь, – его голос был мягок и спокоен.

– Ну ничего себе. – Артур прочистил горло. – Как вы это курите?

– Опыт, друг мой, – ответил незнакомец и, помедлив, спросил. – Как тебя зовут, юноша?

– Артур, – откашлявшись, ответил он и, промочив горло элем, продолжил курить, но тянул уже с опаской.

Незнакомец, услышав имя, слегка поморщился, но Артур ничего не заметил.

– Я Рональд. Будем знакомы.

Разговор быстро пошел на лад. Поначалу Артур отвечал робко и отнекивался от вопросов. Незнакомец рассказывал о своих приключениях, походах в далекие страны, и вскоре юноша почувствовал себя в своей тарелке, любопытно задавая вопрос за вопросом. Они заказали еще выпить, по очереди выкуривая табак. Артур поведал об отчине, как его ненавидит и о том, что ничего не может с этим поделать. Довольствуясь внимательным слушателем, он упомянул мать и Кармелиту. Юноша почувствовал себя кем-то средним между ребенком, что жалуется папе на больной палец, и юнцом, познавшим сладость первого поцелуя. Как ни странно, это ему нравилось, ведь он еще никому толком не открывался. Рональд, казалось, был этому только рад.

– Примерно в твоём возрасте я узнал, что такое любовь, – поведал Рональд, услышав о Кармелите. – Тогда у меня были обе конечности, и я только вернулся с войны. Мои руки были по локоть в крови, я только и знал, как убивать да грабить. Война воспитала во мне жестокость, и смерть шла за мной по пятам. Если мне и попадались женщины, то я видел в них лишь плоть для потехи. Любовь была для меня чужда.

Однажды, как всегда, я пришел в церковь – умолить Бога о прощении. Там была девушка, многим младше меня. Она отдала целую буханку хлеба нуждающимся, и я заметил, как женщина, стоявшая подле нее, со злостью наблюдала за происходящим, но при свидетелях усмирила свой пыл. На выходе, неподалеку от церкви, я увидел, как та же женщина, уединившись с ней и оказавшаяся впоследствии ее матерью, бранила молодую девушку за это. Дочь пыталась оправдаться, но лишь распыляла ярость матери, за что, в конечном итоге, получила затрещину.

Во мне заиграло дремлющее сочувствие к девушке, что показалась мне совершенно чистой и невинной, и я вмешался. Они обе напугались, завидев меня, но я отстаивал правоту девушки, как мог, и мать отступила, угрожая будущей расправой. Девушка поблагодарила меня и улыбнулась. И тогда я обратил внимание на ее красоту. Ее глаза были наполнены жизнью, молодое тело бурлило кровью, а локоны белокурых волос ласкали взгляд. Она последовала за матерью – я не отставал. Вскоре злобная стерва меня спровадила, но я наведалься к ним на следующий день. Отнекиваясь и кряхтя, тетеха все же открыла мне дверь. В отличие от матери, девушка была добродушной и приветила меня как подобает. Мы быстро сдружились.

Он раскурил трубку.

– У меня было много свободного времени, поэтому я помогал ей со всей работой, что возлагала на нее мать. Она научила меня пользоваться иглой и нитками, что мне впоследствии, пригодилось не раз. Без нее я становился рассеянным и неуверенным в себе, поэтому приходил к ней каждый день. Улыбка на ее лице воплощала во мне жизнь – я никогда такого доньше не чувствовал и в конце концов понял, что влюбился.

Вскоре мамаша завела себе мужика и стала смелее – путь к ним мне был закрыт. К моему счастью, девушка сама стала приходить. Мы виделись почти каждый день: она с удовольствием уходила от злобной матери и навевалась ко мне. Однажды мать ей устроила очередную взбучку, и она, не выдержав, сбежала из дому. Юная красавица, вся взмокшая и продрогшая от дождя стояла у меня на крыльце. Тогда мы провели ночь вместе, – то была лучшая ночь в моей жизни. Я уговорил ее жить со мной и через месяц мы поженились.

Рональд запнулся и на глаза его нахлынули слезы воспоминаний.

– А где она сейчас? – спросил юноша.

Собеседник не смог подобрать слов и промолчал. Артур, завидев его угрюмое лицо, решил не докучать его расспросами и быстро перевел тему. Вскоре Рональд забылся и разговор возобновился с новой силой. Любопытство юноши не желало отступать, и он, учтиво выждав время, задал вопрос, что мучил его голову с момента знакомства.

– Как вы потеряли руку?

Рональд и глазом не повел – вопрос был для него привычным.

– Разбойники.

– Зачем? Чего они хотели?

– Для них это была забава – своего рода развлечение, потеха. Но долго им глумиться не пришлось.

– Что с ними случилось?

– Я не горжусь тем, что сделал, но и не жалею. Они встретили смерть у себя в постелях. Рональд поник. Было ясно, что прошлое было для него тяжким бременем. Юноша усмирив любопытство и, взяв трубку, молча закурил. Стряхнув грусть, собеседник вскоре продолжил беседу.

Они сидели долго и не сразу заметили, как появилось солнце. Тем временем кабак опустел почти полностью. Остались только пьяные дебоширы, но и те, разбросанные по помещению, храпели, что есть мочи.

– Настала пора расстаться, – улыбочиво сказал Рональд.

– Мы еще увидимся?

– Конечно, если тебе не надоели мои рассказы. – Калека широко улыбнулся. – Я остановился у хозяина кабака – он мой старый знакомый. Так что можешь прийти в любое время и спросить меня.

– Хорошо, приятно было познакомиться. – Артур поднялся со стула, ощутив легкое головокружение от выпивки, помахал новому другу на прощание и поспешил домой.

* * *

Время шло. Артур работал все больше и свободного времени у него почти не оставалось. Отчим часто брал его на охоту, в особенности в середине дня (утром он отходил от выпивки). С Кармелитой Артур виделся редко: нужно было скрываться от отчима, да еще и находить для этого время. Но каждая секунда, проведенная с ней была незабываема, и он дорожил этим временем. С Рональдом он больше не виделся, хотя однажды ночью пришел в кабак, но, к несчастью – на месте его не застал.

В конце лета до них дошла весть, что по всей Европе собирается паломнический поход в Святую Землю с целью ее освобождения от турок. Артур всю жизнь мечтал сражаться, стать воином, а может, даже рыцарем! Новость впиалась ему в голову, словно назойливая муха. Он много раз размышлял, как пойдет с братьями – паломниками на войну и заслужит славу и почести в бою. Но он не мог. Не мог оставить мать одну, с отчимом. Не мог оставить Кармелиту. Не мог оставить дом.

Отчим и не зарекался по поводу сея мероприятия, что Артура совсем не удивило. Слово – честь, для человека такого рода, было чуждым и бессмысленным, хотя он и считал себя “знатным”. Как бы тяжело не было, приходилось мириться: вечные нападки недоотца, усталость, ругань, болезненные выволочки – все грузно ложилось на плечи юноши.

В конце сентября он все же встретился с Рональдом. Они поприветствовали друг друга как старые друзья. Обменялись новостями, обсудили будущий крестовый поход, отчего сердце юноши запылало еще сильнее, и Артур поделился тем, что лежит у него на душе. Он понимал, что Рональд ему не поможет, но все же ему было легче уже от того, что мудрый друг знал о его проблемах, и с заметным облегчением докладывал обо всем.

Месяцы сменяли друг друга. Зимой пришлось очень туго: дров было влать, а вот за пищу приходилось чуть ли не костями ложиться. Потому голодать приходилось часто. Как бы Артур не желал смерти отчиму, пришлось признать: если бы не он, лежали бы они с матерью уже в земле, да на небесах почивали. Выживали в основном охотой и скудными запасами с лета. Артур стал чаще наведываться к Кармелите и Рональду. Он их познакомил, и даже несколько заревновал их обоих, когда они разговорились, забыв о его присутствии.

Наступил февраль. Усталость и голод взяли свое: мать Артура серьезно заболела, и он не отходил от нее ни на шаг. Он не мог позволить себе без необходимости выйти на улицу, поэтому с Кармелитой и Рональдом видеться перестал. Каждый день он по нескольку раз молился, прося о помощи и излечении. Но ей становилось все хуже. Отчим поначалу пытался помогать, но вскоре повесил руки и доверил все пасынку, сказав: “Я сделал все, что смог, остальное в руках Божьих”. Артур не хотел спорить, боясь усугубить этим и так солоное положение дел, но в сердцах свернул ему шею.

Как-то раз, под ночь, отчим вернулся весь в крови, изодранный и расцарапанный, будто отбивался от стаи волков. Еле стоя на ногах, он добрал до кровати в гостиной и повалился на нее ничком. Артур не обратил на это внимание. Да и смысл? Отчим не воспримет вопросы в таком состоянии, да и в любом другом положении он вопросы не жаловал. Юноша слегка улыбнулся, когда увидел измученного недоотца.

На следующий день Артур проснулся раньше, чем ожидал. Он лежал около спящей матери. Юноша потрогал ее лоб – жар не стих, скорее вырос, а бледное лицо орошали бисеринки холодного пота. Губы ее иссохли, покрывшись чешуйками и трещинами. Решив ее напоить, он подошел к ведру с водой, которым отчим, что храпел в гостиной, с утра уже с лихвой воспользовался – оно было опрокинуто. Он тихо выругался и, взяв ведро, вышел на улицу, направляясь к колодцу.

Вдали брезжил бледный рассвет, опоясывающий лесные массивы. Деревья, под покровом пушистого снега, мелодично окутывали горизонт. На удивление, округ был безлюден. Артур огляделся. Издали, на дороге, что проходила через всю деревню, он заметил промельк движения. Артур внимательно взгляделся в нее и различил силуэт мальчишки верхом на гнедом скакуне. Оказавшись неподалеку, молодой наездник сквозь цокот копыт выкрикнул:

– Почему ты еще здесь, Артур?

– Арчи, доброе утро. – Недоуменно сказал юноша. – А где я, по-твоему, должен быть?

Мальчик остановил коня, грустно взглянул на Артура и сказал:

– Артур, мне очень жаль, но... ночью сожгли дом Трофила. Все сейчас собрались возле кузни.

Ведро выпросталось из рук и громко зазвенев, упало. Артур не поверил своим ушам. Он хотел найти улыбку на лице мальчишки в знак того, что тот шутит. Но на лице парня застыло беспокойство, и он лишь опустил голову.

Артур обомлел, но через мгновение уже мчался во весь опор по вытоптанному снегу проселочной дороги. Он не чувствовал усталости, а лишь ощущал слабое напряжение в ногах. Деревья, то тут, то там покрытые косматым туманом, мелькали перед глазами один за другим. Стылый воздух охлаждал покрасневшее лицо, сгоняя выступающий пот. Вскоре он увидел клумбы дыма, уходящие ввысь и оседающие непроглядной дымкой. Вокруг стоял чадный смрад. Дышать становилось все труднее, а ноги наливались свинцом.

Люди сгрудились около кузницы. Они шепотом судачили о произошедшем, строили догадки, высказывали мнения. Артур прибежал весь взмыленный и запыхавшийся. На месте здания были тлеющие останки, а дым не позволял разглядеть, что творилось внутри. Каменные стены были покрыты черной копотью, предостерегая об опасности желающих войти.

Он бросился в пекло. Все вокруг ошеломленно смотрели на него, кто-то даже пытался остановить, но тщетно. Он перепрыгнул через заваленные ворота и направился прямо к дому. Только что целое и жилое, здание превратилось в мешанину обугленных балок и камней. Все дымило, а что-то еще полыхало слабым огнем. Как только он приблизился к зданию, его обдало нещадным жаром. Хода не было. Он обошел развалины вокруг, дабы найти хоть что-то. Наконец, среди обвалившегося стропила, он разглядел мужское тело. Это был Трофил. Его голое обугленное тело сжалось в позе младенца – так умирают люди, когда их сжигают заживо. Ужасная незаслуженная смерть.

Кармелиты видно не было. Тусклая надежда озарила его взгляд. Он прошел вокруг тлеющего дома еще раз, вглядываясь в каждую щелочку. Ничего.

“Может она спаслась? Или ее утащили... Но куда? – мысли неслись потоком, не давая сосредоточиться”.

Он метался из стороны в сторону, осматривая все, что попадалось на глаза. Хоть какие-нибудь следы должны были остаться. И тут он заметил, что на заднем дворе, в покрытой снегом траве за оградой, лежит лопата внушительного размера с небольшим пятном крови на древке. Он подошел к ней и разглядел отчетливые следы борьбы: трава была истоптана, кровь на ней смешалась с льдинками утренней росы и снегом; из земли, еле заметно, торчал втоптаный русский клочок женских волос.

Артур сглотнул, сердце лихорадочно забилося. В приступе паники он пошел по следу, который вел в лес. Не нужно быть следопытом, чтобы понять, что ее тащили. Артур, спотыкаясь, побежал к ближайшим деревьям, служащим началом лесной гряды. Неподалеку, у корней высокого дуба, он заметил выглядывающие из-за ствола лодыжки. Мозг сразу понял, кому они принадлежат, но сердце не позволяло думать, не позволяло решать. Он ринулся туда что было сил.

– Боже! Нет! – тихое отчаяние вырвалось из глотки.

Кармелита, обнаженная и алая от крови, лежала без дыхания и сознания. Артур бросился к ней. Холод ее тела ранил ладони, а открытые безжизненные глаза, глядевшие вверх, нещадно резали в груди. Время будто остановилось. Слезы пекли глаза и стекали по лицу, сочились из носа. Он смотрел на нее, надеясь, что она обернется и улыбнется ему. Но ничего не происходило. Он молил, – молил и бога, и черта – забрать его и вернуть ее. Он проклинал, умолял, ругался, плевался, захлебывался в собственных слюнях. В отчаянии он поцеловал ее остывшие синюшные губы, пытаясь согреть.

Ее больше нет. Что будет дальше? Без нее нет будущего. Нет ничего. Артур никогда не думал, что с ней может что-то случиться. Он никогда так не ошибался и бранил себя за наивную глупость. Ненависть к себе была неодолима. Ему хотелось себя избить, почувствовать жалкую физическую боль, чтобы хотя бы на толику ослабить чувство утраты. И он сделал это; взявшись за волосы, он тягал их, пытаясь вырвать. Он бил кулаками в дерево, что мирно стояло напротив, стучал ими по влажной земле. Стало еще хуже, еще больнее. Артур бил все сильнее и сильнее до тех пор, пока кто-то сзади не схватил его. Брыкаясь и проклиная все вокруг, он тщетно старался вырваться. Наконец, усталость взяла свое, и он перестал сопротивляться. Его отпустили.

Он взглянул позади себя и увидел два знакомых лица. Первым был Редд – его друг, а вторым – Рональд. Те молча и сочувственно смотрели на нее, передавая поддержку через взгляд и свои ладони, лежавшие на плечах Артура. На глазах Редда тоже поблескивали слезы, а лицо выражало сильнейший испуг. Рональд сел возле Артура и обнял, уткнув его лоб к своей груди.

“Кто это сделал, – внезапно спросил себя Артур”.

В долю секунды он вспомнил отчима, что ночью явился домой. В голове встал образ: окровавленная изодранная рубаха на шатающейся туше, лицо разодрано, руки в крови. Неужто... Артур поднял голову и отстранился от Рональда. Он ринулся обратно к Кармелите. Ее обступила толпа знакомых лиц. Они стояли молча, кто-то закрыл глаза, а кто-то отвернулся, некоторые, ахая и охая, прикрыли рты ладонями. Увидев юношу, они скопом воззрились на него. Артур, не обращая на них внимания, подбежал к Кармелите. Он осмотрел ее тело: между ногами были отчетливые следы насилия, руки изодраны, ногти сломаны, синяки и ссадины покрывали каждый сантиметр. Она страдала, – страдала долго и тяжело.

Досада потери и боль ушли. Исступление и гнев поразили с такой скоростью и на столько глубоко, что он забыл все, что было после. Вот он уже в доме. В руке уверенно блестит нож. Отчим мирно храпит на диване; от него несет алкоголем, грязью, потом и кровью.

Юноша пнул его по лицу и ловким рывком приставил нож к горлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.